

ВЛАДИМИР ШАРОВ

СТАРАЯ
ДЕВОЧКА

РОМАН

МОСКВА «ТЕКСТ» 2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш26

ISBN 978-5-7516-1588-8

© Владимир Шаров, наследники, 2020

© ИД «Текст», 2020

*Памяти моей тети
Веры Сергеевны Отрадинской*

Двадцатого мая 1937 года мужа Веры Андреевны Радостиной – Иосифа Берга – отозвали с должности начальника Грознефти в Москву. В Кремле после двухчасового собеседования с Молотовым он был назначен директором строящегося Саратовского нефтеперерабатывающего завода и по важности объекта – одновременно – замнаркома нефтяной промышленности. Полной неожиданностью это не стало. Уже год речь о Саратове заходила всякий раз, как он по командировочным делам оказывался в Москве, но прежде Берг уклонялся. В конце концов раньше он занимался другим – сухой перегонкой дерева, по данной специальности окончил и университет в Мальме, нефть же возникла потому, что сухая перегонка оказалась никому не нужна. Хотя за последние семь лет он построил два больших нефтеперерабатывающих завода в Куйбышеве и Астрахани, чуть ли не в полтора раза поднял добычу в Грозном, за что первый в отрасли получил орден Ленина, его по-прежнему тянуло в науку, этим Берг и отговаривался.

Спустя две недели после его нового назначения Вера Андреевна отправила в Ярославль, где

теперь жили ее родители, трех дочерей, сама же не спеша стала заканчивать грозненские дела. Год назад она сделалась заведующей кафедрой русского языка местного пединститута и теперь должна была довести до выпуска своих первых дипломников. Была еще пара крупных долгов, с которыми следовало рассчитаться; по этой причине с Иосифом Вера договорилась, что приедет в Саратов только в конце августа, когда детей надо будет определять в школу.

Эту долгую разлуку оба приняли с пониманием. Первые три-четыре месяца в новой должности у Берга так и так должны были уйти на командировки по заводам-поставщикам, на то, чтобы войти в дело, и, как Иосиф сказал ей еще тогда, сразу после разговора с Молотовым, вряд ли до осени он проведет в Саратове больше недели, зато в Грозный уже в нынешнем качестве точно попадет несколько раз – и на представление нового начальника промыслов, и по дороге в Баку, и обратно из Баку в Саратов.

После отъезда Иосифа три семьи, с которыми они в Грозном сошлись теснее всего: Нафтали Эсамова, главного санитарного врача республики, его женой два года назад стала пухленькая миленькая Тася Кравец, Верина подруга и обожательница с гимназических лет; две другие – председателя арбитражного суда Томкина и заместителя Совнаркома Чечни Закутаева – поддерживали ее как могли. Как бы кто ни был занят, они виделись едва ли не через день, пили вино, веселились, и с детьми и сами играли в фанты, города, испорченный телефон – словом, во все игры, что знали.

Эти месяцы были у нее по-настоящему хорошими; она была счастлива, и когда потом, мно-

го лет спустя, думала о том лете, вообще о своем грозненском житье, ничего плохого вспомнить не могла. Наоборот, впервые за многие годы ей вдруг сделалось не просто легко жить, она чувствовала, что у нее есть тылы, везде рядом с ней хорошо, она окружена этим хорошим со всех сторон и может ничего не бояться.

Выпустив дипломников, Вера на две недели поехала в горы к Эсамову. У его ведомства рядом с правительственным санаторием, но выше, совсем в горах, было несколько домиков для своих; один заняла она, другой Эсамов, и больше там тогда никого не было, лишь на воскресенье наезжала вся их компания.

Эсамов принадлежал к одному из влиятельных чеченских тейпов; кроме того, он был известным в республике поэтом, так что к его отлучкам, к тому, что он может, никого не предупредив, надолго уехать из Грозного, относились спокойно. Помогало и то, что у Эсамова был подчиненный — разумный, практичный человек с той же фамилией — если возникала необходимость, он легко замещал начальника. Берг, да и не он один, по сему поводу подсмеивался над Нафтали, говорил, что, и когда Эсамов в городе, делами заправляет двойник.

Судьба Эсамова была занята даже по тем временам. В семнадцатом году он служил взводным в шедшей на Петроград «Дикой дивизии». До этого один из его предков был нукером у Шамиля, и, когда Шамиль сдался и был заключен мир, весь их род снялся с места и переселился в Турцию. Только перед самой смертью его отец вернулся в Чечню. В войну с немцами Нафтали храбро сражался, получил солдатского Георгия; он был вполне лоялен, хотя отец говорил, что вернулся в Чеч-

ню мстить, что они — он и шесть его сыновей — возвращаются, чтобы вновь поднять Кавказ против русских. Но горы были замиренены, воевать никто не хотел, это понял и старший Эсамов, не завещав им на смертном одре ни мести, ни войны с Россией.

Земли эсамовского рода, после того как они переместились в Турцию, были захвачены осетинами, понадобилось немало времени и сил, чтобы их вернуть. Бесконечные стычки, засады, перестрелки, кровники, ищущие твоей жизни, необходимость всегда быть настороже и всегда быть готовым убивать — Нафтали умел это хорошо, но по природе был человеком мирным и, понимая, что кровь рождает кровь, все чаще мечтал куда-нибудь уехать. Свое они вернули еще при жизни отца и постепенно начали становиться на ноги.

Занимались Эсамовы в основном земледелием, но разводили и коней. Старший брат Нафтали — сам он был в семье младшим — выучился этому делу в Аравии, оттуда привез лошадей, и здесь, в России, уже говорил о настоящем конном заводе. В общем, они прижились, признали новый порядок настолько, что десятью годами позже, когда началась война с немцами, Нафтали с согласия семьи пошел на нее добровольцем, думал дослужиться до старшего офицера, получить дворянство. Он честно и хорошо воевал, но, несмотря на храбрость и многочисленные ранения, его обходили производством, к семнадцатому году он понял, что так будет и дальше. К нему никто не относился плохо; зная Нафтали в деле, в батальоне его уважали, но все равно он был не свой. В сущности, это было понятно: по-русски он говорил неважно, тесно ни с кем не сходил, наоборот, по возможности держался в стороне.

Однажды в Симбирске (это было уже весной семнадцатого года), где он долечивался в госпитале после очередного ранения, его разыскал дальний родственник, тоже, как и он, сын нукера Шамиля. После поражения имама его отец не ушел в Турцию, наоборот, поступил на русскую службу, крестился и выслужил дворянство. Выйдя в отставку, здесь же, под Симбирском, купил себе порядочное имение. В его поместье Нафтали прожил почти два месяца, чуть ли не ежедневно ходил с хозяином на охоту, — у того была отличная псарня. Нафтали и сам скоро полюбил «поле», собак, вообще привязался к этим местам, не раз думал, что после войны было бы неплохо где-нибудь рядом осесть.

Шла революция, и из Симбирска вместо своей части он попал в «Дикую дивизию». Когда Корнилов двинул их на Петроград, Эсамов всему этому давно не сочувствовал, взвод, которым он командовал, одним из первых отказался стрелять в рабочих, потом и вовсе перешел на сторону большевиков. Тогда же Эсамов еще самим Фрунзе был принят в партию и в двадцать первом году, вернувшись наконец домой, стал делать головокружительную карьеру.

Но Нафтали был странный человек: впрочем, может быть, эта странность и спасала от неприятностей. Судьба вообще — и на фронте, и здесь, в Чечне — его хранила. В республике уже трижды были большие чистки, под нож шло чуть ли не все местное начальство, но его беда обходила. То ли у Эсамова и вправду был охотничий нюх, то ли еще что, но месяца за два до того, как начинались аресты, он куда-то исчезал, отсутствовал, бывало, и по полгода, а потом привозил с собой какого-нибудь редкого кобелька (с той же страстью,

что раньше старший брат — лошадей, он разводил собак), неведомо где и у кого выжившего, и все это сходило Нафтали с рук, списывалось на чудачества, без которых настоящего поэта быть не может. Оттого и на его место санитарного врача никто ни разу не посягнул.

Так он и жил эти годы, постепенно заведя в горах совершенно уникальную охоту. Псарем у него был Михаил, человек того его дальнего родственника из-под Симбирска. Михаила он нашел еще в двадцать первом году, в самый разгар страшного голода в Поволжье, откормил, спас и привез с собой на Кавказ. С ним он на равных работал на псарне, с ним же ездил по стране, разыскивая уцелевших в революцию породистых собак. В Советской России эсамовская псарня быстро сделалась знаменита: он дружил и состоял в переписке с Буденным, Ворошиловым, Тухачевским, еще несколькими людьми из Кремля, любившими, понимавшими толк в охоте. С ними он обменивался щенками, не реже чем раз в год все они приезжали к нему в горы охотиться, обычно после кисловодских санаториев; иногда и он охотился с ними в России. Республика очень ценила эти связи, благодаря им Грозному много чего удавалось получить вне очереди. Возможно, московские друзья и были охранной грамотой Эсамова.

Известен он был и тем, что к собакам относился до крайности уважительно, звал по фамилии бывших владельцев псарен, никогда не забывал ни титулов, ни чинов. В Грозном считалось, что делается это в насмешку, но Вера знала: Эсамов просто тоскует по жизни, когда большие охоты были часты и обычны, по времени, которое он сам почти не застал.

В горах, где Нафтали проводил не меньше времени, чем в Грозном, он на пару с Михаилом за-

нимался селекцией, учил и натаскивал свору, охотился же редко. Слаженные, точные действия собак доставляли ему огромную радость, он буквально ликовал; когда же, наоборот, что-то не ладилось, сразу впадал в мрак. Возможно, не хватало азарта, возможно, мешала привычка к одиночеству, но необходимость следить, управлять и направлять огромную свору и добрый десяток охотников быстро его утомляла. Вера, впрочем, считала, что дело в другом: для настоящего охотника он слишком боится провалов; и правда, стоило собакам сбиться в кучу, превратиться в бессмысленно лающую стаю, он, даже не пытаясь ничего поправить, оставлял все на Михаила и, ни с кем не простившись, уезжал в город.

Сколько потом Михаил ему ни втолковывал, что только настоящие охоты, только привычка собак к дичи, к погоне, когда они выкладываются до последней капли, может выучить свору, Нафтали все равно охотился со сворой, лишь если приезжали гости, хотя с ружьем, одной-двумя собаками по-прежнему ходил много.

Все-таки, и несмотря на малую тренированность, охота у него была хорошая, приезжие обычно оставались довольны, тем не менее славился он больше как селекционер, чем охотник. Михаил, как раньше его знал Эсамов, был человеком молчаливым, привыкшим разговаривать разве что с собаками, но здесь, в горах, он, будто вдруг догадавшись, что то, чем он жил: псарни, своры, гоны, травли — гибнет или уже погребло, решил, что должен сохранить не только собак, но и вообще все, до охоты касающееся. Повторяя своего старика даже в интонации, он при поддержке Нафтали часами теоретизировал, рассказывал бесконечные истории и байки. Много, конечно,

было не ново, взято из чужих рук, часто и речь была совсем не его, но, бывало, те же истории он рассказывал так, как привык говорить с собаками, и тогда получалось на редкость хорошо.

Нафтали, хоть и работал с Михаилом на равных, при чужих брал роль барчука, которого умный, много чего повидавший дядька учит умразуму. Он вообще выставлял его вперед, так что в том, что скоро Михаил приобрел славу едва ли не лучшего псаря и все московское начальство стремилось его переманить, нет ничего удивительного. Впрочем, и на псарне, один на один, Эсамов все равно вел себя как младший.

В Грозном их было четыре семьи, они перезванивались едва ли не каждый день, а раз в неделю, как правило, в субботу, вместе выбирались в горы на шашлык. Душой компании, без сомнения, была Вера, а мажордомом — Эсамов. Он лично покупал на базаре специи, выбирал и резал барашка, потом священнодействовал у мангала. Он любил горы, любил все, что делалось под открытым небом, и в этих их вылазках всегда бывал весел и легок, радовался, как дитя. Пока он жарил мясо, другие обыкновенно уходили на прогулку, а Вера оставалась с ним. Никакого напарника не требовалось; она помнила, что когда-то, на заре знакомства, предлагала порезать мясо, лук, помидоры, но любую помощь он мягко, боясь ее обидеть, отклонял, теперь Вера привыкла, что просто устроится на коврах, которые они привозили из Грозного, и будет смотреть, как он готовит.

Она знала, что в Грозном ему непросто, что он вообще человек не городской, это знали и другие, и то, что это было так, ему несомненно помогало.